

Глава 1

Ну до чего же противная осенью погода! И не то чтобы она именно сегодня какая-то особенная, нет! Сегодня она как раз самая обычная. Обычная — это значит мерзкая-премерзкая, с давящими на голову свинцово-серыми низкими облаками, рваными лохмами своими цепляющимися за мою несчастную макушку, с морозящим с самого утра занудливым дождиком, унылым и холодным, пробирающим до костей своим ледяным холодом. Короче, осенняя!

И чего наш знаменитый классик так любил эту «очаровательную пору»? Ничего в этой хмари, слякоти и холоде очаровательного и прекрасного нет! Листья жёлтые? Ну да, как же! Особенно когда навалит их с деревьев валом, когда вся земля сплошняком покрывается этой якобы разноцветной мурой. Вот тогда по этой самой красоте (в кавычках, само собой, причём в больших таких кавычках и даже в огромных), ходить становится вообще стрёмно. Особенно, когда они намокнут. И особенно на каком-нибудь не приметном склоне.

Вот тут-то и нужно глядеть в оба, как и куда ногу ставишь. Это же склизкое покрытие хуже льда получается! Того и гляди ноги выше головы взметнутся, и пятой точкой по этой грязно-бурой слякоти так вниз и засвистишь. Придумываю? Да ничего подобного! На личном горьком опыте проверено! Та самая пятая точка не даст соврать...

И не спасают от этой промозглой сырости ни тёплая одежда, когда-то давным-давно бывшая сухой, ни плещущаяся в голодном молодом организме палёная водка. Или самогонка... Уже и не помню, что именно, но начинали мы точно с водки. Уж в этом-то

я не могу ошибиться. А потом, как положено, переключились на то, что и добыть полегче, и на что наших скудных сбережений хватит. То есть на самопал...

Ну и, понятное дело, порядочный самопал, он тоже неплохих денег стоит, так что мы, а точнее, наш очередной гонец притащил именно то, на что хватило собранных вкладчину средств. С качеством зелья, понятное дело, никто и разбираться не стал, пошло оно в наши глотки за милую душу. Опять же, на этой стадии загула главное не качество, а количество! С этой прописной истиной все согласятся. Опыт — дело великое...

Ну и, как водится, процесс питья сопровождался обязательными в мужской компании разговорами. Сначала поумничали, затронули учёбу и прошлись по однокурсникам. Потом, по мере повышения количества выпитого, разговоры переключились на политику, музыку, кино и литературу — фантастическую, само собой.

Сейчас и не вспомню, кто именно из нас первым затронул эту тему, но постепенно к спору о попаданчестве подключились все. Я, например, доказывал, что этот жанр чрезмерно фантастичен! Бред сивой кобылы! Ладно бы писали о реинкарнации, например! Или взять космические войны — тут тоже всё понятно: чужие неизвестные технологии, высокоразвитые звёздные цивилизации... Но перенос сознания... Чушь же полная!

Так и не пришли к согласию, каждый остался при своём мнении. А там выпили ещё по одной, потом ещё... И тема заглохла, потому что общество уже дошло до нужной кондиции. До той самой, когда все разговоры в компании начинают идти только об одном — о женщинах... И это самое мягкое определение...

Засиделись мы в общаге далеко за полночь, потому что повод был: осталось отучиться всего ничего. По сравнению с уже отученным, конечно же! Без повода пить как-то не то. Это то же самое, что превращает увлекательный творческий процесс в повседневную рутину. Как-то так.

Куда-то не туда меня размышления о смысле бытия завели. О чём я там рассказывал?

Вспомнил! Так вот, потом, как оно водится, спиртосодержащие жидкости совершенно некстати и совершенно не вовремя закон-

чились. Закончились именно тогда, когда организм только-только разошёлся и требовал, так сказать, продолжения банкета!

Хорошо хоть нашёлся среди нас кто-то умный (к сожалению, это точно не я), кому хватило здравого смысла сообразить, что ломиться среди ночи в запертые соседние комнаты за «жидким смыслом жизни» — дело столь же безнадёжное, как и небезопасное. Безнадёжное потому, что наученные прежним горьким опытом соседи нам вряд ли откроют, а небезопасное — потому, что чревато появлением охраны и дежурной, женщины весьма своеобразной. Почему? Законница потому что!

Ну нельзя же настолько буквально выполнять свои обязанности?! «Мальчики, в двадцать три ноль-ноль чтобы никого посторонних в комнате не было! Проверю!» Как оно вам? Знакомо? То-то... Да и последующие за этим появлением оргвыводы деканата не очень-то нам нужны... Так что если будем шуметь, то она обязательно объявится! Милейший человек... Натуральный чёрт в юбке и женском обличи! И мало нам точно не покажется! Уж эта-то мысль за годы учёбы твёрдо отложилась в сознании, и даже алкогольные пары не смогли её вымыть. Многим такая ситуация знакома, и что-то объяснять дальше не требуется.

И похоже, к этому времени кое-какие проблески разума в наших головах всё-таки ещё имели место. Потому что мы перебрали все опустевшие бутылки в надежде обнаружить в какой-нибудь из них нечаянно позабытое энное количество спиртосодержащей жидкости. Ну а когда этой надежде не суждено было оправдаться, выдавили последние капли из их равнодушного к нашим потугам стеклянного нутра, дружно признали дальнейшие попытки бесплодными и бесполезными и решили тихо разойтись. В смысле, по каким-то своим делам, пришедшим в этот момент каждому из нас в бесшабашную, глупую, взбаламученную алкоголем голову.

Разошлись. И я разошёлся. Куда-то, куда ноги несли... Поэтому и не помню: каким это образом оказался на той злополучной улице? Главное, зачем? Нечего мне здесь было делать, нечего! И ведь знал же, что здесь постоянно археологи копаются, роют вглубь землю и даже находят в ней что-то ценное и доселе науке неизвестное. Открытия делают, типа того... А из этого следует,

что тут всё рыто-перерыто, сплошные ямы и раскопы, огороженные в лучшем случае хлипкой деревянной оградкой, а то и просто тоненькой, еле заметной, полосатой, красно-белой ленточкой. И мостки деревянные через эти ямины.

Охрана на раскопах? Я вас умоляю! Откуда у археологов лишние деньги? Им на проведение работ выделенных государством средств не хватает. Какая уж тут охрана...

Сколько раз я потом корил себя за эту пьянку. Ведь именно с неё всё и началось! Даже пить на будущее зарёкся. Правда, забегая вперёд, скажу: этого моего зарока ненадолго хватило...

Так что забрёл я этой ночью куда-то явно не туда. Палёнка всё виновата, не я же? И дальше мне отсюда выбираться нужно по этим самым мосткам. Почему-то. Нет чтобы назад вернуться — понесло несчастного вперёд по бездорожью! Тут-то я и начал вроде бы как трезветь. Ну а как иначе? Мостки-то впереди ещё кое-как различаются (две необрезные доски-пятидесятки), а вот под ними — чёрная бездна провала в никуда. Чёрное в своей мрачной неосвещённости пустое нечто, а потому особо страшное для моего впечатлительного организма!

И ещё дождь! Значит, и слякоть! Подошвы кроссовок словно маслом намазаны. Ноги на размокшей глине разъезжаются, словно у тех пресловутых волков на айсберге! Зато правду говорят, что пьяных сам Господь бережёт! Потому что очнулся я уже на самом дне этой ямины, в холодной глиняной жиже. Как поскользнулся и упал, не помню! Как летел вниз, тоже из памяти выбило! И про мокрую одежду повторять не стану, не буду надоедать повторениями и банальными, избитыми истинами!

Короче, лежу я морд... прошу прощения, лицом вниз; в глаза, нос и рот грязь набилась — окромя воды, само собой. Зачерпнул я этой мути хавальником столько, сколько в ковш влезло. Привычка студенческая наверняка сработала. Как ещё не подавился и не захлебнулся? Похоже, очнулся вовремя, сразу же после падения, потому и не захлебнулся. А то бы и не случилось ничего. Да и вообще бы ничего дальше не случилось... Потому и не знаю, спасибо говорить за то, что вовремя сумел очнуться, или уже начинать проклинать кого-нибудь, что столько невзгод выпало дальше на мою тяжкую долю?

Осталось только себя пожалеть! Щ-щаз-з! Не дождётесь!

Но это всё уже будет потом, чуть позже. А пока я, чертыхаясь и матерясь, волевым усилием вздел себя на ноги, утвердившись сначала на четырёх костях, а потом плавно переведя свою тушку в вертикальное (относительно, конечно) положение. Огляделся. Кроме серого куска неба, над головой ничего не увидел. Здесь-то, внизу, хоть глаз коли, ни черта не видно!

Похоже, зря я упомянул нечистого. Иначе как и чем объяснить мои дальнейшие шаги? Не его ли божественным же промыслом? Он ведь тоже к той когорте относится? Или нет? А-а, пустое!

В полной темноте, по лужам, с трудом удерживая равновесие, я побрёл искать хоть какой-то путь наверх. Понять-то понял, что ввалился в огромную по своим размерам яму. Точнее, вспомнил. Мне бы тогда сразу сообразить, что это именно за яма, как из неё выбираться, но та самая клятая чуть позже всеми склонениями «могучего и великого» палёнка помешала связно мыслить. Одни инстинкты действовали. А они прямо сказали: попал, то есть упал? До узкого деревянного мостика над головой явно не допрыгну. Значит, надо выбираться наверх другим путём. По барабану как. Будем искать... Не ночевать же в этой сырой и холодной дыре? Ох, как я хотел чуть позже этим инстинктам тот самый барабан на уши натянуть...

Ну и ясное дело, что мои неприятности одним падением не закончились. Не успел сделать пару невнятных шагов по грязюке в грамотно выбранном направлении...

Как же, сумел выбрать приблизительное направление по расположению мостика над головой. Сориентировался, осмелел, пошёл бодренько так вперёд — и как зацепился ногой в темноте за какие-то деревья, как полетел носом вперёд, хватая и увлекая за собой на землю нечто огромное и шуршащее! Успел ещё на лету сообразить, что это такой навес из полиэтилена, тут же на автомате выставил вперёд руки, оберегая и отворачивая в сторону морду лица: непонятно ведь, куда и на что приземляюсь. Пьяный или нет, а жить-то хочется, и желательно с двумя глазами.

Не помогло! Под руками что-то глухо хрупнуло, ладони вроде бы как в первый момент обрели под собой надёжную и крепкую опору, но тут же провалились куда-то вниз. И как я ни берёгся,

ничего не смог поделывать — со всего маху очень больно приложился лицом обо что-то очень и очень твёрдое.

Больно-то больно, но пьяному везде море по колено! А я хоть и протрезвел немного от неожиданных приключений, но, видать, не до конца оклемался. Потому что только ещё раз громко выматерился, упоминая того самого всем известного отрицательного персонажа, обитателя преисподней, который далеко не белоснежный ангел.

Зашмыгал клювом, втягивая в себя почему-то обильно потёкшую из носа кровь, сплюнул смачно перед собой, попытался приподняться... И опять упал, причём уже явно на какое-то железо, потому что брякнуло подо мной вполне узнаваемо. Опять же, носом характерный кислый запах ржавого металла вдохнул. Металла, кожи и глена.

Хорошо так лицом приложился! Особенно многострадальным носом и подбородком. Язык прикусил к тому же! Выругался с ожесточением, уже привычно упомянув того самого, о ком поминать явно не стоило, прошепелявил вслух нечто непонятное. После столь неожиданного и жёсткого удара в мозгах всё смешалось, соображалка начисто отключилась. Нос и рот в очередной раз забило грязью, поэтому постарался побыстрее выхаркнуть скопившуюся сукровицу, отплеваться. Попытался оттолкнуться и встать, подтянул под себя ноги, и...

Ослепительный свет молнии залил яму, выжег тени, заставил вскрикнуть от испуга и крепко зажмуриться от внезапной боли в моих несчастных глазах. Тем не менее за какой-то краткий миг я успел увидеть, разглядеть в подробностях, на что это я наткнулся.

Именно что на что. Потому что давным-давно истлевшие останки живыми явно уже не могут быть. И лежу я на давно истлевшем прахе воина! Прах-то истлел, но косточки в доспехах остались. Какой-то пластинчатый доспех, об это железо я лицом и приложился! Руки, точнее кости скелета, на груди огромный меч удерживают. А я как раз лицом к лицу со скалящимся мне прямо в глаза серым черепом оказался! В шлеме череп, не я! Уместно ли здесь говорить лицом к лицу? У черепа же вроде бы как лицо отсутствует?

Под эти глупые мысли ещё раз постарался оттолкнуться, отодвинуться, убрать от этого, не знаю, как его и называть, в сторону. А тут и звуковой удар от молниевых разряда до ямы долетел! Шандарахнуло сверху так, что я не то что оттолкнулся и убрался куда-нибудь в сторону, а наоборот: этим звуковым ударом меня прямо-таки вмяло в железо доспеха подо мной! Да ещё этот огромный меч на груди мертвеца! Как не отрезал себе самое дорогое? Ведь ясно почуял острую сталь лезвия рядом с самым нужным и сокровенным. Ощутил, так сказать, кончиком...

Всё это заняло буквально какие-то доли секунды до ослепления, мгновение, но я успел тем не менее рассмотреть все эти подробности. И пластинчатый доспех, на котором я сейчас распластался лягухой, и пустые глазницы черепа, и откатившийся немного в сторону шлем, и сползший сейчас чуть вниз и в сторону из-за моих падений явно тяжёлый меч, и что-то вроде кругляша узорчатого амулета там, где когда-то была мощная шея воина. Вот точно говорю, именно так и понял. Мощная шея и амулет с рисунками. Который был заляпан грязью и моей кровью. Да на него и сейчас с моего подбородка капает красным...

Молния и гром давно отгремели и потухли, но в яме почему-то стало немного светлее. Я же ясно вижу, как впитываются капельки моей кровушки в эту разрисованную непонятными знаками кругляшку, как она начинает тускло посверкивать. Искорки точно появились, клянусь здоровьем! Ох и страшно мне стало, все прочитанные когда-то книжки разом припомнились!

Вот только больше ни о каких пустых глазницах черепа и речи идти не могло. Начало в них разгораться багровое пламя. И как я ни сучил ногами в тщетной попытке уползти или хотя бы отодвинуться в сторону, ничего из моих жалких попыток не вышло. Словно приклеился я к доспеху. Или он ко мне...

Над головой ещё раз оглушительно шарахнула молния, но глаза почему-то не ослепили от этой вспышки, а видели всё весьма и весьма отчётливо, в мельчайших деталях. Багровое пламя пустых глазниц притягивало, не давало отвести взгляд, поднималось выше и выше и тянуло меня к себе. И наконец, пламя это коснулось моего лица...

Я говорил, что от палёнки голова болела? Так вот, я вас со знанием дела уверяю, что та головная боль не идёт ни в какое сравнение с этой болью, что просто затопила меня, заполнила каждую клеточку моего несчастного молодого организма! И нет никаких сил отстраниться от этого багрового свечения! Успел ещё удивиться, что уже и не испытываю никакого желания отстраниться! Наоборот, я просто-напросто потянулся к этому пламени всем своим существом, впитал его в себя... И провалился в это пламя...

Можно было бы ещё напоследок сказать, что в этот момент глухоту в ушах сменил злоеющий хохот, но это уже будет явным перебором. Никакого хохота я не услышал. А жаль. С ним хоть что-то было бы более понятным.

Ох, мама, и зачем я на ночь читал столько фантастики?..

* * *

Неожиданный и сильный удар сверху в очередной раз заставил уткнуться лицом в грязь под злорадный смех толпы! Да что же это делается? Сколько можно! А ведь я даже вдохнуть не успел! Воздуха катастрофически не хватает! В голове снова молотят барабаны, а лёгкие разрывает от недостатка кислорода! Дышать... Полцарства за глоток воздуха! Да что полцарства — я всё отдам!

Очередная попытка приподняться из грязи тут же жестоко пресекается — на затылок опускается какая-то жёсткая тяжесть и давит, вминает моё лицо в грязь! Воздуха! Воздуха мне!

И я умудряюсь каким-то чудом, сжигая в невероятном усилии последние молекулы кислорода в лёгких, вывернуться из-под этой тяжести. И не приподняться, нет, а извернуться по-змеиному на бок, повернуть сначала корпус и плечи, а следом за ними и голову, хлётко отмахнуться при этом куда-то назад руками и... И судорожно, до захлёба, втянуть в горящие лёгкие живительный кислород, скинуть с шеи жёсткую подошву чужого сапога. Даже удивиться не успел этому неожиданному факту, не до того мне было.

Наконец-то я смог вдохнуть полной грудью под наступившую вдруг вокруг меня тишину. И пусть этот вдох оказался наполовину перемешан с грязью и водой, пусть даже после такого вдоха я судорожно закашлялся, захлебнулся, но зато тяжесть на затылке пропала, а из глаз начала утекать предательская чернота. Ещё

один вдох. Опираюсь на дрожащие и подламывающиеся в локтях руки, отплёвываюсь от остатков грязи во рту. Не всё, конечно, выплюнул, но от основной части глиняного бульона избавился. Из носа оно как-то само всё вылетело.

Протёр рукой глаза и замер. Светло. День. Солнце яркое. Недавно сильный дождь поливал, иначе откуда бы тогда грязь? И да, воздух влажный очень. Сначала не понял, но вот сейчас сообразил: летом пахнет. Летом и свежескошенной травой. Сенном? Птицы где-то чирикают, вороны орут, и ещё собаки захлёбываются лаем! И люди вокруг... Безлика в своей серой массе толпа...

Уходил из головы тревожный перезвон кислородного голодания, в мозгах почти совсем прояснилось, и глаза быстро привыкли к яркому свету. Моргать, правда, приходилось очень часто, потому что в глаза словно песка насыпали. Да почему словно? Я же искупался в грязи! Пока хорошо их не промою, так и будет резать...

Это рассказывать долго, а тут всё быстро произошло. И топили меня, и вывернулся, отдышался и осмотрелся — всё за какой-то короткий миг. Осмыслить увиденное пока не осмыслил, только фиксировал. Обдумывать позже можно, когда из очередной передряги выберусь. А тут есть над чем подумать.

Главное, с удивлением увидел, что пинают меня не огромные мужики, как показалось, а вполне себе обычные пацанята. Небольшого такого росточка, средненького даже. Лет десять-двенадцать им на первый взгляд. Почему же мне настолько больно? Что это за бред воспалённого воображения? Я что, уже того?

Успел ещё разок окинуть быстрым взглядом толпу перед очередным ударом по рукам. Точно дети. Но и взрослые за их спинами имеются. Немного, правда, зато скалятся они как-то уж очень довольно. Ох и страшные же вы тут все на рожу!

А ведь какой-то порядок в драке всё-таки существует! Не накинулись толпой. Молчат теперь. И глазют на меня явно с каким-то удивлением. Какого чёрта!

Не поверите: вот как только в очередной раз выругался (хорошо ещё, что про себя), как тут же в голове чей-то злорадный смех раздался. И не только в голове, ещё кто-то в толпе что-то резкое выкрикнул, вроде бы как даже скомандовал. Только вот я не понял, не расслышал, что это за такая команда была. Что-то